

КРИСТИНЪ.

Москва, 2 Марта 1814 г.

При теперешнемъ застоѣ въ военныхъ дѣлахъ, не знаешь, что и думать до прибытія новаго курьера, который Вамъ уже, вѣроятно, привезъ теперъ вѣсти.

Шатильонскій конгрессъ и Испанскій миръ событія настолько неслыханныя, непостижимыя, что приходится отказаться отъ всякаго сужденія. Быть можетъ, во всемъ этомъ нѣтъ правды; во всякомъ случаѣ слишкомъ тревожиться этимъ не слѣдуетъ: мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, достаточно опредѣленныхъ и достовѣрныхъ, чтобы составить обоснованное мнѣніе.

Будемъ ждать, какъ ни тяжело ожиданіе. Мнѣ нездоровится; много лихорадить, и у меня насморкъ, который пройдетъ черезъ два дня, но помѣшаетъ мнѣ писать и заниматься. Сейчас Обергъ вернулся отъ М-те Эверсъ; ей лучше; дыханіе свободнѣе, и она думаетъ, что уже выздоровѣла.... Увы! дай Богъ, чтобъ было такъ! Всегда хорошій признакъ, если лѣкарства дѣйствуютъ; она принимаетъ ихъ съ щепетильной точностью. Ея старикъ мужъ былъ у меня; я его разбранилъ. Для его 70-лѣтнихъ ногъ добраться до меня отъ него, все равно, что на край свѣта.

Да, это правда, я послалъ ему хорошаго вина, чтобы она не пила квасу, кое-какого питательнаго кушанья и кусокъ полотна, лежавшій у меня безъ употребленія три года. Для меня это ничего не составляетъ, а бѣдная женщина считаетъ за благодѣяніе. Умоляю Васъ,

пусть она думаетъ, что я только исполняю Ваши порученія, потому что это позволяеть ей не стѣсняться, а разуверивъ ее, Вы бы ее взволновали, чего слѣдуетъ избѣгать. Какъ только она видитъ доктора, она плачетъ и говоритъ: „Боже мой, стало быть, я не брошена всѣми“. Къ несчастью этотъ докторъ останется здѣсь всего нѣсколько недѣль, но онъ въ перепискѣ со мной и станетъ слѣдить за лѣченіемъ изъ деревни, куда собирается. Онъ говоритъ, что будетъ очень радъ, если предупредить водянку, дѣйствіемъ лѣкарствъ онъ доволенъ.

Меня не удивляетъ, что Людовикъ XVIII заболѣлъ въ Лондонѣ: между нами: я смотрю на него, какъ на Моисея, не вступившаго въ Обѣтованную землю въ наказаніе за одну вину. Людовикъ же провинился во многомъ 25 лѣтъ тому назадъ и не приобрѣлъ никакихъ личныхъ правъ на любовь французовъ. То, что онъ принесъ въ жертву маркиза де Фавра, долго будетъ тяготѣть надъ памятью этого короля; пока его подданные будутъ помнить объ этомъ, имъ окажется трудно уважать такого государя. Что касается меня, то я зналъ его близко въ его семейной жизни и могу сказать, что онъ крайній эгоистъ, сухой и холодный. Графъ же Артуа, его сыновья и герцогъ Бурбонскій—совсѣмъ иное дѣло: это люди смѣлые и могутъ вернуться во Францію, высоко поднимая головы. Я бы желалъ, чтобы Людовикъ XVIII уступилъ свои права братьямъ; но будьте увѣрены, что онъ этого никогда не сдѣлаетъ. Дай Богъ, чтобы мы увидѣли Людовика XVIII на престолѣ, такъ какъ онъ его законный обладатель и, слава Богу, не вѣчень: это единственная возможность для прочной реставраціи, а раньше того миръ и общій порядокъ не возстановятся; отъ Наполеона Бонапарте ихъ добиться нельзя. Что говорятъ о Гамбургѣ? „*Conservateur*“ сообщаетъ, что осаждающіе *сожгли одинъ мостъ*. Незавидный подвигъ. Не могу Вамъ выразить, до чего мнѣ досадно, что эта армія не подвигается ни на шагъ. Бѣдная графиня*) тоже страдаетъ отъ этой мысли, но молча. Говорятъ, что графъ Остерманъ снова впалъ въ меланхолію и ипохондрію: это весьма прискорбно. Увѣряютъ, что онъ еще собирается на войну: онъ успокоится только, когда его убьютъ. Это безумство, но благородное и прекрасное! Вашимъ сестрамъ врядъ ли живется весело среди всѣхъ этихъ тревоженій.

Прощайте; вотъ глупое письмо: на немъ отражается мое расположеніе духа, частью зависящее отъ состоянія здоровья: я боленъ, но хотѣлъ отвѣтить Вамъ по крайней мѣрѣ скоро, если и не хорошо. Я видѣлъ на дняхъ Вашу тетушку.

*) Гр. Толстая.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 2 Марта 1814 г.

Право, не знаю, какъ и благодарить Васъ за все, что Вы дѣлаете для М-те Эверсъ. Если-бъ Вы не требовали настоятельно, чтобы я молчала, я бы написала ей сегодня же, сказавъ всю правду. Вѣрно только одно: что я всю свою жизнь не забуду всѣхъ услугъ, которыя вы мнѣ оказываете въ лицѣ этой бѣдной милой женщины, и мнѣ страшно хочется сказать имъ обоимъ, какъ они должны Вамъ быть благодарны. Съ послѣдней почтой я получила извѣстіе о нихъ; М-те Эверсъ въ подробности сообщаетъ мнѣ о всемъ, что Вы ей послали и призываетъ на Васъ благословеніе неба. Я уже давно подозрѣвала у нея начало водянки и боюсь, что удушье, которымъ она страдаетъ, происходитъ отъ воды, скопившейся въ груди. У меня мало надежды на ея выздоровленіе, но думаю, что уходъ хорошаго врача и здоровая пища могутъ продолжить ея существованіе.

Я въ восторгѣ, что вы ей послали м-г Оберга, можетъ быть ему удастся помочь ей; но, еще разъ повторяю Вамъ, что у меня не хватаетъ словъ, чтобы высказать Вамъ, что я чувствую, и предоставляю Вашему сердцу угадать все, что вызывается всѣмъ этимъ въ моемъ.

Г-жа де Нуазевиль заставила меня прочесть письмо, гдѣ говорится о княгинѣ Michel. Во всемъ ея разговорѣ съ м-те Гусъ я видѣла только отголосокъ ея обычной непослѣдовательности. Повѣрите ли, что большею частью она не сознаетъ, ни что говорить, ни что дѣлаетъ. Она и теперь не имѣетъ большаго желанія сблизиться съ Вами, чѣмъ 3 года тому назадъ. Увидавъ М-те Гусъ, она вспомнила о Васъ; она вообразила въ этотъ день, что еще любитъ Васъ, и исходя изъ этой мысли, говорила какъ особа, желающая примиренія.

Ея вѣчное желаніе занимать собою, привлекать вниманіе, если не восхищеніе, страсть марать бумагу, чтобы написать что-нибудь столь же красивое и остроумное, какъ *Мелиза*,—только что вышедшій ся романъ—вотъ, по моему мнѣнію единственная причина, которая могла внушить ей мысль вступить въ переписку съ Вами. Она всегда остается сама собой—вотъ что кроется подъ всѣмъ этимъ. До Васъ собственно ей такъ же мало дѣла какъ до вчерашняго снѣга. Я никогда не имѣла желанія бывать у нея, но часто встрѣчала ее у ея невѣстки. Княгини Boris. и могла, какъ мнѣ кажется, составить о ней правильное сужденіе. Эту женщину жаль. Я слишкомъ придерживаюсь евангель-

ской морали, чтобъ не совѣтовать прощенія обидъ, и Господь оказываетъ мнѣ милость, давая возможность осуществлять это на практикѣ. Но когда какое нибудь нѣсколько выдающееся событіе удаляетъ меня отъ кого либо, кого я сильно любила, и кого именно это событіе особенно затронуло, опечаливъ меня, то, все кончено,—безповоротно кончено.

Я прощаю все, не сохраняю неприязненнаго чувства, но появляется демаркаціонная линия. Я могу видѣть это лицо около себя и чувствовать себя отъ него на тысячу версть. Вотъ что бываетъ у меня; можетъ быть это и не хорошо, но ужъ такъ оно есть. Я не избѣгаю этой личности, но и не ищу ея общества; мнѣ кажется, что между нами пронеслось холодное дыханіе смерти. Поэтому я вполне одобряю молчаніе, хранимое Вами въ этомъ случаѣ и отвѣтъ на словахъ, который Вы просили передать г-жу Гусь.

Пусть себѣ княгиня Bogis занимается прекрасными *Idéal* и *Ténébreux*, Вы же оставайтесь отъ нея далеки, но, однако, простивъ ей великодушно и по христіански.

Повидимому она снова собирается путешествовать и покинуть Россію, которую ненавидитъ и старается заставить возненавидѣть своихъ дочерей. Она хочетъ ѣхать въ Римъ, столько же для здоровья, сколько ради экономіи; она приводитъ въ порядокъ всѣ свои дѣла, и если не представится препятствій, предполагаетъ отправиться въ путь въ Іюль. Княгиня Bogis займетъ ея домъ на нѣсколько лѣтъ. Мы также думаемъ, что въ ея планы входитъ выдать дочерей замужъ въ Италиі, такъ какъ она очень торопится сдѣлать имъ приданое; этимъ предметомъ она больше всего занимается съ ихъ опекунами. Господь съ ней; пусть себѣ уѣзжаетъ; у княгини Bogis вздохнуть свободнѣе. Знаете ли Вы, что дочери въ миниатюрѣ такъ же невыносимы, какъ мать; старшая глупа; меньшая умна, но говоритъ такъ напыщенно и съ такими жестами, точно вырвалась изъ-за кулисъ.

При всемъ томъ онѣ такъ напичканы всѣми разсужденіями матери, такъ проникнуты ея превосходствомъ надъ остальными смертными, что становятся положительно невыносимыми.

Я скажу Вамъ одну вещь, которая огорчитъ Васъ: я не думаю, чтобы портфель съ золотыми лиліями можно было впялить въ скоромъ времени. Дѣла начинаютъ принимать другой оборотъ; у насъ уже

нѣтъ курьеровъ, берлинскія газеты много говорятъ о конгрессѣ. Коленкуръ далъ большой обѣдъ въ Шатильонѣ министрамъ всѣхъ державъ. Лордъ Кастельреа отвѣтилъ ему также обѣдомъ, а затѣмъ курьеры, отправленные послѣднимъ въ Лондонъ, проѣзжаютъ черезъ Парижъ съ паспортами, выданными Наполеономъ. Повидимому между англійскими и французскими министрами господствуетъ полнѣйшее согласіе, и газета много разъ упоминала объ этомъ. Что все это означаетъ? Я не знаю, да и никто не знаетъ. Послѣдній курьеръ, прибывшій 4-го, привезъ письма только къ Императрицѣ; говорятъ, однако, что были и другія, но ихъ не выдали. Императрица не говоритъ ни слова. Теперь говорятъ, что государи поторопились; что ихъ не просили; однимъ словомъ, плетутъ всякій вздоръ, отъ повторенія котораго я васъ пощажу; отъ него закружится голова у всякаго. Я спрашиваю, какъ въ Фигаро: „Да кого же здѣсь обманываютъ“?

Все, что Вы говорите мнѣ объ институтскомъ воспитаніи, можетъ составить продолженіе сказаннаго Вами однажды о цивилизаціи. Мнѣ не по душѣ ни первое, ни вторая. Не знаю, во что превращаются эти исторички и естественницы, вернувшись къ своимъ бѣднымъ и невѣжественнымъ родителямъ, но расскажу Вамъ, случившееся съ одной изъ воспитанницъ, окончившихъ институтъ три года тому назадъ. Эта молодая особа, прибывъ въ деревню, нашла въ домѣ родителей еще девятерыхъ дѣтей и всего семь душъ крестьянъ; сыновья сами пахали землю, дочери полоскали бѣлье на рѣчкѣ, какъ гомеровскія царевны. Надо было найти дѣло для новоприбывшей, и ей поручили ходить за курами. Мадамъ де Ментенонъ, правда, пасла гусей; но наша несчастная помнила о ней только какъ о французской королевѣ, и въ концу концовъ въ одинъ прекрасный день ее нашли повѣсившейся. Ее побудило къ тому крайнее отчаяніе; да милостивый государь, она повѣсилась съ отчаянія. Происшествіе это—не вымыселъ. Не лучше ли было бы для нея, еслибъ она никогда не покидала своей деревни и занималась бы тамъ, подобно сестрамъ, полосканьемъ своего тряпья? Нѣтъ, я не люблю подобнаго воспитанія, выводящаго человѣка изъ его среды; такъ же какъ не люблю дерптскихъ профессоровъ съ демократическими принципами въ странѣ чисто монархической.

Прощайте; уже поздно; какъ только получимъ извѣстія, Вы ихъ узнаете. Продолжайте употребленіе зеленой воды, она вамъ будетъ на пользу.

Кристинь.

Москва, 10 вмѣсто 12 Марта 1814 г.

Я иногда такъ мало могу располагать своимъ временемъ въ дни отхода почты, что для того, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ, какъ вчера, я принимаюсь за письмо къ Вамъ къ послѣ завтра. Вы прекрасно поняли княгиню Michel, и можно подумать, что десять лѣтъ были близко знакомы съ ней, хотя уловили этотъ характеръ. такъ сказать, на лету.

Мнѣ тоже кажется, какъ и Вамъ, что представившійся случай и желаніе поговорить о самой себѣ вызвали ее на болтовню съ m-me Гусъ, и мое имя послужило только какъ бы рамой, благодаря которой можно было коснуться и прошлаго и настоящаго. Я посмѣлся надъ m-me Гусъ въ своемъ отвѣтѣ, и что-бы ни случилось, никогда между мною и княгиней Michel не будетъ ни общественныхъ сношеній какого-то ни было бы рода, ни переписки. Меня не удивляетъ, что ея дочери невыносимы и проникнуты сознаниемъ воображаемаго превосходства ихъ матери надъ прочими смертными; онѣ съ самого дня своего рожденія только слышать объ этомъ и еще не достигли того возраста, когда разумъ исправляетъ первое сужденіе юности. Онѣ вѣрятъ на слово матери, сто разъ въ день повторяющей, что она воплощеніе ума и талантовъ, такъ же какъ прежде была олицетвореніемъ красоты. Ея сыновья, какъ мнѣ показалось, того же мнѣнія; всѣ ея дѣти поработены крайнимъ эгоизмомъ матери, представляющей изъ себя во всѣхъ отношеніяхъ самую требовательную женщину въ мірѣ. Подробные характеры подчиняютъ себѣ другихъ, пока эти послѣдніе наконецъ не возмутятся; однако возмущеніе наступаетъ рано или поздно, и тогда уже нѣтъ возврата.

Я не хочу говорить ни слова о политикѣ до прибытія новаго курьера отъ Императора, что дастъ намъ возможность обсудить все: безъ того теряешься въ догадкахъ, до послѣдней степени утомляющихъ голову.

Но хочу тысячу разъ поблагодарить Васъ и г-жу де Нуазевиль за любезность, которую Вы оказали мнѣ, списавъ докладную записку Ронвюара и отвѣтъ его кроткаго государя. появившійся на слѣдующій день въ газетахъ. Это большая любезность съ Вашей стороны, и я считаю себя Вашимъ должникомъ соотвѣтственно той сукъ, какая

испытывается при перепискѣ; я сердитъ на Плюшара, сдѣлавшаго Вашу работу бесполезной; но, тѣмъ не менѣе, тронуть добрымъ намѣреніемъ.

Неужели Вы думаете, что сумасшедшій поступокъ Вашей птичницы, предпочтшей повѣситься тому, чтобы ѣсть свѣжія яйца въ ожиданіи замужества, есть слѣдствіе полученнаго воспитанія? Очень можетъ быть, что она повѣсилась бы и безъ того: мы всюду видимъ сумасшедшихъ, оканчивающихъ самоубійствомъ. Впрочемъ, количество ничего не доказываетъ въ сравненіи съ преимуществами хорошаго воспитанія. Со стороны родителей было глупо, имѣя десять человѣкъ дѣтей и семь крестьянъ, отправлять дочь въ столицу, а главное брать ее обратно въ домъ. Если они получили возможность помѣстить дочь въ Институтъ, имъ слѣдовало представить, что они не въ состояніи одѣвать и прокормить ее, и поручить ее попеченію Императрицы-матери, доброй и благотворительной.

Кстати о сумасшествіяхъ! Княгиня Куракина пріѣхала вчера; часъ тому назадъ я былъ у нея; она страшно перемѣнилась къ худшему. похудѣла и постарѣла. Скюдери, котораго она просила меня прислать къ ней, совѣтуетъ ей остаться здѣсь до Мая мѣсяца. Этотъ совѣтъ, повидимому, ей очень понравился, и она расположена послѣдовать ему. Мнѣ рѣдко приходилось видѣть женщину такъ мало стремящуюся увидаться съ родными. Мужъ ли причиной этого—я не знаю, но склоненъ думать, что у нея относительно его уже нѣтъ иллюзій, такъ долго ослѣплявшихъ ее. Она утомлена, но не больна; она на ногахъ, но говорить, что не выдержитъ остальной дороги. Я думалъ, что недѣля отдыха возвратитъ ей силы, но она убѣждена въ противуположномъ.

Говорю Вамъ это, чтобъ Вы передали или умолчали обо всемъ, смотря потому, какъ найдете нужнымъ. Я не стану писать ничего княгинѣ Vogis и никому изъ домашнихъ.

Голова бѣдной Лизы мнѣ показалась очень слаба; она три раза въ часъ повторяетъ одни и тѣ-же вопросы, повидимому не помня ни вопроса, ни отвѣта. При ней состоитъ старуха-француженка, отчаянная болтушка; я бы съ ней умеръ отъ скуки, но ее она, кажется, развлекаетъ и занимаетъ.

Вотъ и графъ Остерманъ въ деревнѣ, а жена его въ огорченіи. Боже мой! Какъ тяжела такая жизнь. Онъ хорошо сдѣлаетъ, если

попадетъ подъ ядро, какъ желаетъ: такъ будетъ короче для окружающихъ. Можете Вы представить себѣ будущность этой женщины, если въ мирное время ей придется нести на своихъ плечахъ бремя этой разстроенной головы, можетъ быть въ продолженіе многихъ лѣтъ! Честолюбіе, выродившееся въ мацію, ужасная болѣзнь, и что того хуже,— неизлѣчимая. Прощаюсь съ Вами до Понедѣльника; можетъ быть, завтрашняя почта привезетъ намъ какія нибудь новости.

Онъ же.

Четвергъ, 12.

Почта не привезла ничего, кромѣ извѣстія о бѣгствѣ Полиньяковъ, и дѣйствительно эта вѣсть радуетъ сердца всѣхъ, кто, подобно мнѣ, по опыту знаетъ, что значить сидѣть въ тюрьмѣ подъ ключомъ у г. Бонапарте. 10 лѣтъ эти несчастные молодые люди томилась въ оковахъ. Раздѣляю счастье ихъ родителей и прошу Васъ передать это графу и графинѣ Діанѣ. Кажется, что, хотя медленно, но все же двигаются впередъ, и Бонапарте не чувствуетъ себя въ силахъ атаковать. Я продолжаю думать, что его пѣсенка спѣта, и вижу, что его замѣнитъ Бурбонъ. Мнѣ пишутъ изъ Швейцаріи, что меня тамъ ждуть непременно въ теченіе этого года; можно подумать, что тамъ увѣрены въ паденіи Наполеона. Но ошибаются; чѣд-бы ни случилось, я не покину такъ скоро эту добрую Россію. Я устроился здѣсь съ трудомъ и заботливо не для того, чтобы бросить все это. Если когда нибудь мои доходы позволятъ мнѣ сдѣлать сбереженія, чтобы оплатить путешествіе, я съ наслажденіемъ совершу его, но никогда не брошу вѣрнаго для слѣчайнаго. Вы не повѣрите, до чего я дорожу крохами, которыя имѣю. Я чувствую, что если это уплыветъ, уже ничто не вернется, а передъ бѣдностью я ощущаю священный страхъ: я ее боюсь больше смерти. Изъ гордости, а не изъ скупости или эгоизма: быть въ зависимости на старости лѣтъ кажется мнѣ все равно, что вступить въ преддверіе ада. Устраиваю свою деревеньку. Тамъ дѣлають сыръ. Я васъ имъ угощу. Говорятъ, что мнѣ его наварятъ на шесть тысячъ рублей въ годъ. Аминь!

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ 17 Марта 1814 г.

Ожидали ли вы увидать г-жу де-Нуазевиль, или ея появленіе было для Васъ неожиданностью. Мнѣ послѣднее было бы пріятнѣе, такъ какъ Вы испытали бы большее удовольствіе. Не понимаю, какъ это она добралась такъ скоро. Одинъ пріѣзжій изъ Москвы рассказы-

ваает невѣроятныя вещи о состояніи дорогъ; онъ говоритъ, что ѣхаль двое сутокъ отъ Москвы до Клина; дней десять стоитъ оттепель и туманная погода должна увеличивать грязь. Однимъ словомъ отъ всей души желаю, чтобы бѣдная женщина добралась благополучно и достигла тихой пристани. Я не жду ее сюда обратно къ Пасхѣ.

Что Вы скажите о четвѣ К? Объ этомъ мужѣ, отправляющемся въ одну сторону, и женѣ, прибывающей съ другой; объ этой г-жѣ Сюэ, которую къ ней приставляютъ охранительницей—сумасшедшей, десять разъ въ день падающей въ обморокъ, пугающейся всего и пугающей Лизу; о послѣдней, приготавливающейся умереть черезъ двѣ недѣли, прощающейся съ мужемъ въ трогательномъ письмѣ; и о мужѣ, не обращающемъ на письмо никакого вниманія, не шевелящемъ мизинцемъ, чтобы поѣхать къ женѣ, и вполнѣ счастливомъ, что г-жа де-Нуазевиль беретъ на себя хлопоты, между тѣмъ какъ онъ проводитъ время въ петербургскихъ гостинныхъ. На мѣстѣ княгини Борисъ я бы заболѣла отъ огорченія. Боже мой, какое печальное супружество, и что за человѣкъ этотъ К., не смотря на всѣ свои богатства. Будь я на его мѣстѣ, я бы не посмѣла показать своего лица даже въ замочную скважину. Я предвидѣла его гнусности; всѣ въ него бросаютъ камнями. Удивляются, что онъ не тревожится и не поѣхаль въ Москву. И смотря на все это онъ держитъ себя крайне непринужденно, такъ что хочется его побить. Не дай Богъ этимъ тремъ княжнамъ выйти замужъ, какъ ихъ старшая сестра! За то г-жу де-Нуазевиль превозносятъ до небесъ.

Если она еще въ Москвѣ, скажите ей, что въ домѣ княгини Вольдемаръ существуетъ о ней одно только мнѣніе, что всѣ въ восторгѣ отъ ея самопожертвованія и ея желанія оказать услугу. Всѣ члены семьи на перерывѣ поютъ ей хвалебные гимны. Но, при всемъ, что говорятъ о ней, Куракина не щадятъ; одно не могло обойтись безъ другого, и параллель выставляетъ поведеніе этого молодого мужа въ еще болѣе возмутительномъ видѣ.

Г-жа де-Нуазевиль, вѣроятно, сообщила Вамъ вѣсти изъ арміи. Послѣ ея отъѣзда прибыли еще два курьера, оба изъ Шомона, одинъ отъ 16, второй отъ 20; они привезли подтвержденіе осады Труа и блестящаго дѣла Витгенштейна при Баръ-Сюръ-Объ; маршалъ Блюхеръ находится между Суасономъ и Мо, его аванпосты—въ Киз, совсѣмъ близко отъ Парижа. Сыновья княгини Борисъ пишутъ, что нельзя съ точностью опредѣлить, гдѣ находишься: въ одинъ день имъ подають